

УДК: 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.3>

М. Р. Григорян

ПРОЕКТЫ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО «УМИРОТВОРЕНИЮ» КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

С самых ранних этапов своего становления Россия сталкивалась с трудностями, связанными не только с присоединением новых территорий к государству, но и поиска лучших форм и способов управления ими, что предполагало осуществление национально-государственной политики, в полной мере учитывающей интересы, с одной стороны, Российской империи, а с другой стороны, вновь вошедших в ее состав территорий. К одной из таких тяжелых задач, стоящих перед российским государством, относился процесс интеграции Северного Кавказа в состав империи и проблема выбора наиболее эффективной модели управления столь обширным регионом. В политических и военных кругах Российской империи в период с конца XVIII – начала XIX в. разрабатывались различные планы по умиротворению Кав-

каза, которые, по мнению их авторов, гарантировали бы успех в решении данной задачи, однако, их анализ показал отсутствию единства подходов при решении изучаемого вопроса. Поиск наиболее эффективного стратегического и тактического курса в проводимой политике на Кавказе занял длительное время, в ходе которого совершалось немало ошибок, стоивших как человеческих потерь, так и материальных.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, горцы, интеграция, реформы, проект, администрация.

Для цитирования: Григорян М. Р. Проекты российской администрации по «умиротворению» Кавказа в первой половине XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 549–555. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.3

Marianna R. Grigoryan

PROJECTS OF THE RUSSIAN ADMINISTRATION TO “PACIFY” THE CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

From the earliest stages of its formation, Russia faced difficulties related not only to joining new territories to the state, but also to the search for the best forms and ways of managing them, which involved the implementation of a national-state policy that fully took into account the interests of, on the one hand, the Russian Empire, and on the other hand, the newly joined territories. One of such difficult tasks facing the Russian state was the process of integration of the North Caucasus into the empire and the problem of choosing the most effective management model for such a big region. In the political and military circles of the Russian Empire in the period from the end of the XVIII to the beginning of the XIX century various plans for the pacification of the Caucasus

were developed, which, according to their authors, would guarantee success in solving this problem, however, their analysis showed a lack of unity of approaches in solving the issue under study. The search for the most effective strategic and tactical course in the policy pursued in the Caucasus took a long time, during which many mistakes were made. They cost both human and material losses.

Key words: Russian Empire, North Caucasus, highlanders, integration, reforms, project, administration.

For citation: Grigoryan M. R. Projects of the Russian administration to “pacify” the Caucasus in the first half of the XIX century (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 549–555. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.3

Российская империя, укрепив свои позиции в рамках проводимой внешней политики и в значительной мере расширив территорию страны, взяла курс на присоединение Северного Кавказа. К административному устройству региона российское правительство приступило еще в начале XVIII в. В этот период в качестве административных центров выступали российские крепости, которые со временем образовав цепь военных сооружений, получили название Кавказской линии. При этом необходимо отметить, что российские власти вплоть до конца XVIII в. практически не прибегали к политике применения силы по отношению к коренным народам региона, что нашло свое отражение в основных принципах Екатерины II, изложенных в ее указе от 28 февраля 1792 г., в соответствии с которым кавказскому командованию поручалось

осуществлять контроль за русскими подданными во избежание каких-либо притеснений с их стороны горских жителей [4, с.13].

В этот период российские власти осознавали, что административное покорение горских племен произойдет максимально легким образом и уменьшит количество вооруженных противостояний только в случае организации систематического взаимодействия и налаживания коммуникации местных жителей с руководством региона. В этой связи перед администраторами края стояла задача «употреблять все... благопристойные способы к приласканию тамошних народов, отдаляя от них не только притеснения, но и все, что может им неприятно быть в образе умствования и понятия о вещах...» [9]. Главными положениями проводимого курса были, во-первых, поощрение

местного населения и возможность беспрепятственного осуществления торговой деятельности на территории губернии, а во-вторых, предоставление всей необходимой помощи жертвам набегов со стороны соседних жителей ввиду их вынужденного переселения.

Однако с начала XIX в. курс сместился в сторону проведения военно-силовой политики в регионе, основывающейся на программе Александра I «Стоять на Кавказе твердо», что с одной стороны, обуславливала угроза вмешательства на Кавказ Турции и Крымского ханства, а с другой – необходимость в прекращении деятельности вооруженных групп из числа горского населения в ходе осуществления ими «набеговой системы».

Утверждение России в регионе происходило не только посредством военных мероприятий, но и через развитие экономических взаимоотношений с горскими народами. При этом проводимый российскими властями курс на Кавказе в рассматриваемый период времени характеризовался противостоянием и в то же время взаимодействием двух направлений политики по включению региона в состав Российской империи: первое направление стремилось разрушить основы хозяйственной деятельности коренных народов, а второе поддерживало развитие их экономической свободы и самостоятельности в рамках экономической системы страны. Приоритет был отдан первому направлению, характеризовавшемуся применением силовых методов, экономические же методы носили подчинительный характер, занимая второстепенное место.

Необходимо отметить, что стратегический курс политики российского правительства на той или иной стадии политико-административного покорения Кавказа во многом определялся точкой зрения конкретного руководителя региона, нередко следовавшим прямо противоположным представлениям о способах и формах включения региона в состав империи. В кругах высших должностных лиц происходили регулярные споры, касающиеся определения самого действенного политического инструментария для организации эффективного руководства северокавказским регионом.

Так, в 1805 г. Главнокомандующий на Кавказе П. Д. Цицианов представил проект, вносящий определенные поправки в существующий курс по управлению регионом, и содержащий в себе ключевые направления деятельности администрации наместничества, распространяющиеся на всех горских жителей, которые будут подвергнуты административному покорению. Именно эти положения и обуславливают историческую значимость представленного Павлом Дмитриевичем проекта, базирующегося на применении принципа постепенности. Оценивая текущее положение дел, П. Д. Цицианов также отмечал, что «перемены нравов и обычаев азиатских» возможно «ожидать с переменою целых и нескольких поколений» [10].

Представленный Главнокомандующим замысел содержался в трех важнейших положениях, предполагающих изменение воспитания местных жителей, распространение в окружении местного населения предметов роскоши, а также в приобщении к традиционному укладу и обычаям, принятым в империи [8]. Кроме того, Павел Дмитриевич признавал необходимость учета привычных местным жителям обычаев, традиций и норм при осуществлении управления в регионе. В результате следование такому подходу позволило российским властям выполнять целый ряд важных задач. Одним из результатов следования данному подходу в управлении является сокращение количества вооруженных сопротивлений со стороны горцев, направленных против российских властей, что было обеспечено благодаря особенностям проводимой администрацией политики, позволяющей создавать впечатление невмешательства в их внутренние дела. Еще одной проблемой, которую удавалось решить, была связана с возникающими в процессе управления регионом трудностями по причине недостаточного уровня знания языка обеими сторонами. Кроме того, решалась актуальная для наместничества проблема, касающаяся расширения численности кадров администрации в связи с их нехваткой.

В последующие годы, до назначения в северокавказский край Алексея Петровича Ермолова, российские власти не предпринимали каких-либо серьезных мер, которые были бы направлены на изменение сложившейся системы управления.

Наиболее направленная и планомерная политика военно-силового утверждения Российской империи на Кавказе проявлялась в действиях главнокомандующего Кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова, видевшего в качестве одного из главных способов усмирения коренного населения в насилии. Отметим, что перед отъездом на Кавказ Комитет министров направил Алексею Петровичу проект по управлению регионом «без применения силы» [7, с. 124]. В частности, предложения адмирала Николая Семеновича Мордвинова сводились к отказу от применения силы и осуществления давления на горцев и переходу к мероприятиям мирного характера, предполагающим развитие с ними торговых отношений, преподнесение подарков для знати с целью создания у них новых потребностей, устраивать общие праздники, открывать учебные заведения, посредством которых появилась бы возможность привлекать детей знати к национальной культуре страны, но обязательно с учетом присущих им традиций и обычаев, что позволит северокавказским народам почувствовать привязанность к России, сформировать мирное отношение к ней и убедиться в способности империи благотворить соседним народам, а не притеснять их [7, с. 124].

А. П. Ермолов придерживаясь мнения о том, что «весь Кавказ должен стать и неизбежно станет неотделимой частью Российской империи, что существование в этих краях независимых и полунезависимых государств и обществ любого вида вероисповедания, будь то христианство, мусульманство или язычество, в горах или на равнине, просто несовместимо с честью и достоинством Российского императора, с безопасностью и благополучием подданных» [5, с. 56], определял в качестве своей важнейшей цели на посту Главнокомандующего на Кавказе продолжение процесса собирания земель, начатого задолго до него.

Способом, который мог бы вызвать у горских народов уважительное отношение к российским властям и стране в целом, Алексей Петрович видел в применении правила справедливости наказания. Первые основательные действия А. П. Ермолова на посту администратора в регионе связаны с подготовкой военной стратегии, в рамках которой важное значение предавалось переносу Линии оборонительных сооружений вглубь Осетии и Чечни и расширении ее протяженности до города Тарки. Военная стратегия генерала предусматривала возведение сооружений и военных укреплений и прокладку дорог между ними, вырубку деревьев и создание просек, усмирительные экспедиции и торгово-экономическую изоляцию непокорных жителей. Эти и ряд других мероприятий, разработанных Главнокомандующим при вступлении на новую должность, образовали своего рода проект, которому А. П. Ермолов следовал на протяжении всего своего пребывания на посту наместника на Кавказе.

Уже в 1818 г. А. П. Ермолов предложил императору программу деятельности, предусматривающей создание в регионе обширной сети укреплений, которая ограничивала бы беспрепятственное перемещение объединений из числа горских жителей в равнинные территории с целью реализации «набеговой системы». Осуществление данного курса означало разрушение традиционных устоев наиболее враждебно настроенных обществ, воспринимающих набеговую систему в близлежащие населенные пункты не просто как традиционный образ жизни, но и как важнейший фактор их экономической жизни, приносящий основную прибыль. В результате именно это и выступило в качестве главной движущей силы, стимулирующей горцев продолжать свое вооруженное сопротивление российским властям.

Стремление воспрепятствовать усилению присутствия империи на Кавказе объединяло по большому счету практически все весомые государства исследуемого периода, придавая данному процессу полномасштабный характер, однако, вооруженное сопротивление враждебно настроенных местных жителей стало для России самым опасным и жестоким направлением. Именно они

стали той самой военно-политической силой в крае, сумевшей не просто бросить вызов российским властям, но и успешно давать им отпор на протяжении длительного периода.

Взаимоотношения наместника с феодальными правителями осуществлялось посредством двух моделей: первая модель заключалась в оказании давления на знать или принуждения, а вторая модель предполагала использование различных форм материального вознаграждения для стимулирования их быть лояльными по отношению к российским властям. Однако с началом военно-экономической изоляции стало ясно, что замыслы Алексея Петровича, изложенные в его проекте, не приносят желаемых результатов [1, с. 161].

В области развития экономических связей с горскими народами, А. П. Ермолов был противником меновых дворов, полагая, что в торговле будут участвовать только российские перекупщики, которые за невысокую стоимость будут приобретать товар у местного населения, а реализовывать его по завышенным ценам, чем отобьют у горцев желание всякого взаимодействия. При этом в отношении торговли с закубанскими народами генерал выступал прямо противоположно, оценивая их передвижение по территории России даже с торговыми целями как угрозу спокойствию границы. Важную роль в проводимом Алексеем Петровичем курсе занимали противодействие снабжению Кавказа продуктами иностранного происхождения, а также борьба с работорговлей, которая, по мнению генерала, выступала одним из факторов сближения местных жителей с Османской империей.

Многие методы, используемые А. П. Ермоловым, успешно применялись как до его появления на Кавказе такими российскими генералами как П. Д. Цицианов и В. С. Гуляков, так и после его отставки – И. Ф. Паскевичем и М. С.

Воронцовым, однако, увольнение Алексея Петровича с поста Главнокомандующего на Кавказе ознаменовало перемены в проводимой политике по отношению к местным жителям и необходимость поиска такой стратегии, следование которой приведет страну к достижению важнейшей цели империи, а именно – в превращении во влиятельнейшее государство в регионе. Достижение желанной цели требовало пересмотра форм и методов сотрудничества между горцами и российским населением Северного Кавказа.

Вторая четверть XIX в. характеризуется развитием предпосылок для дальнейшего усиления торгово-экономических связей местного населения с Россией. Содержание и формы торгово-экономических отношений на данном этапе можно описать следующими обстоятельствами: 1) развитие торгово-экономических отношений происходило под влиянием политической обстановки в регионе, в связи с чем реализуемые экономические меры в первую очередь использовались

в качестве инструмента решения политических задач; 2) взаимоотношения в сфере обмена между российскими переселенцами и коренными народами получили достаточно устойчивый характер, что объяснялось переменами в хозяйственном укладе региона, вызванными уменьшением экономической зависимости от Турции и увеличением экономической связанности с Россией; 3) возрастающая взаимосвязанность Кавказа с Россией привела к неизбежному воздействию на регион общественных социально-экономических сдвигов, вызванных кризисом крепостничества и становлением в стране основ индустриально-капиталистического общества [7, с. 143].

Попытки Ивана Федоровича Паскевича, ставшего новым наместником на Кавказе, вернуться к системе Алексея Петровича, не увенчались успехом: учреждение административно-гражданского устройства на территории Дагестана показало, что подобный подход только усугубит ситуацию в регионе и вызовет раздражение среди населения [1, с. 290]. Вместе с тем в проводимом генералом курсе можно отметить карательные меры, направленные против коренного населения, и в частности, лезгин. Такая суровая политика в результате привела к разрушению Кахетии, ставшей «гнездом» враждебно настроенных по отношению к империи народов [1, с. 292 – 293].

Жители региона не переставали стремиться к укреплению связей с Россией, не взирая на непростую военно-политическую обстановку. При этом российские власти для оказания давления на горцев все еще продолжали использовать привычные силовые методы, выражавшиеся в экономической изоляции горских жителей и ограничении для них доступа на меновые дворы. Таким образом, именно горские народы проявляли инициативу в отношении развития сотрудничества в сфере торговли, в то время как политика российского государства сводилась к политическому подчинению населения региона посредством использования их хозяйственной зависимости. Залогом окончательного покорения горских народов российская администрация видела в разрыве связей горцев с иностранными государствами.

Вместе с тем концепция мирного освоения новых территорий не утратила своих сторонников и при правлении Николая I, что находит подтверждение в проекте по учреждению Российской кавказской компании, представленном в 1828 г. А. С. Грибоедовым и начальником кавказской экспедиции П. Д. Завилейским. Данный проект предлагал создание сети учебных и медицинских учреждений с целью развития на Кавказе науки и искусства. По замыслу авторов, экономическое и культурное процветание региона способствовало бы его сближению с империей, благоприятно сказалось бы на общем развитии России и вытеснило бы Англию с Ближнего и среднего Востока.

Однако проект вызвал критику как либеральных, так и консервативных кругов, в связи с чем политика, направленная на развитие экономической и культурной сфер региона, не сумела добиться необходимой финансовой поддержки и, таким образом, не заняла важное место в проводимой российским руководством политики.

Реальные методы, которые использовались российской администрацией, не только не приближали Россию к покорению горских народов, но и, наоборот, отдаляли ввиду того, что осуществляемая в регионе колониальная политика не принимала во внимание ментальность коренного населения: свободолюбие проистекало из принципов общежития горских народов, не испытывавших еще в полной мере давления феодальных устоев.

В период с 1831 по 1837 гг. пост главы российской администрации на Кавказе занимает барон Григорий Владимирович Розен, который на момент прибытия на Кавказ не был знаком с краем и особенностями управления им, но при этом имел благое намерение разобраться в разнообразных и сложных отношениях с местным населением. Вступая на должность администратора Кавказского края, Григорий Владимирович отмечал, что попал в регион в достаточно беспокойный период, подчеркивая, что горские жители еще не были настолько дерзкими и настойчивыми в своих действиях [3]. Анализируя состояние региона, Григорий Владимирович считал, что необходимо в максимально короткие сроки вернуть спокойствие в край и утихомирить раздражительность со стороны горского населения [3], но для достижения указанных целей замыслы барона предполагали применение достаточно общих методов, которые сводились к установлению мирных взаимоотношений, развитию торговли, а также наказанию строптивых и враждебно настроенных жителей края.

По мнению барона, проводимая политика на Кавказе должна включать три основных положения: обеспечение безопасности Кавказской линии, сохранение российских войск на территории Закавказья для удержания в регионе покорности со стороны местных жителей [3] и процветание торговых отношений. Для осуществления задуманного плана, Григорий Владимирович видел целесообразным оставить в полном составе войска отдельного кавказского корпуса и присоединить к нему 20-ю пехотную дивизию. Кроме того, Розен считал, что набеги и грабежи со стороны горского населения следует наказывать не нападениями, а экспедициями. При этом, по его мнению, одновременное проведение деятельности в нескольких пунктах было бы достаточно сложно осуществить российским войскам, поэтому важная задача виделась в необходимости ограничения числа враждебно настроенных племен, эффективной мерой для сближения с которыми

барон видел в привлечении на сторону российских властей влиятельных лиц и в заботе о благосостоянии местного населения со стороны правительства. Однако, по распоряжению Николая I, Розену было указано, что цель России на Кавказе давно определена, и для ее достижения необходимо придерживаться плана, разработанного Паскевичем «без всякого изменения» [3].

Основной чертой, характеризующей деятельность генерала Евгения Александровича Головина, сменившего Г. В. Розена, выступает враждебный характер проводимой им политики покорения края, проявлявшейся, в суровом отношении к «вольным обществам». Решению задачи по покорению Кавказа, по мнению Е. А. Головина, способствовало бы проведение ряда мероприятий, связанных со строительством стратегически важной дорожной сети, просечкой троп в лесном массиве, а также возведением укреплений с целью дальнейшего пополнения гарнизонами. Кроме того, в рамках проекта Евгения Александровича предлагалось учредить на местном уровне администрацию, открыть учебные заведения мусульманского профиля, а также наладить функционирование базаров в российских крепостях. Однако более сложная ситуация, развернувшаяся на территории Дагестана и Чечни, предполагала привлечение дополнительных ресурсов: как финансовых, так и человеческих, что и стало причиной, повлиявшей на решение императора не принимать предложения генерала [1, с. 367]. Дорожное строительство на территории Дагестана, укрепление сооружений, а также формирование отрядов и организация походов с целью сохранения местных жителей в повиновении были, по мнению государя, «неудобными к исполнению, а в некотором отношении даже вредными» [2, с. 355].

Обратимся к рассмотрению взглядов генерала Николая Николаевича Раевского, который видел в торговле средство покорения коренных народов. Свою точку зрения он подтверждал фактом увеличения количества атак именно тех населенных пунктов, в которых сфера торговли была недостаточно развита [1, с. 495]. Действительно, развитие торговых отношений с местными жителями послужило стимулом для отказа от набегов и перехода к хозяйственным занятиям мирного характера и, напротив, отнятие возможности участвовать в торговле, сопровождающееся применением в отношении жителей, отказавшихся присягнуть на верность российским властям, суровых мер приводили только к объединению враждебно настроенных сил в отношении к империи.

Несколько другое мнение в отношении способов разрешения проблемы в регионе выражал адмирал Л. М. Серебряков, который считал, что для покорения северокавказского края необходим комплекс мер разностороннего характера, среди которых он выделял в качестве главных

применение оружия, выселение русских жителей, организацию внутреннего порядка, избрание умелых и достойных руководителей, развитие торговой и промышленной отраслей [6, с. 289]. Особое место в предложениях адмирала Л. М. Серебрякова занимает торговля, в соответствии с которыми предлагалось, используя периоды засухи и низкой урожайности в своих интересах, привлекать горцев на свою сторону и склонять их к поддержанию мирных отношений, благодаря предоставлению им продуктов, и, в частности, муки и сала. Придерживаясь совершенно противоположной точки зрения, генерал Н. Н. Раевский раскритиковал подобный подход, считая целесообразным воспользоваться трудным для местных народов временем и, наоборот, понизить цены на товары повышенного спроса, что изменит недружелюбное отношение к империи и послужит стимулом для перехода на ее сторону.

В годы правления генерала Алексея Александровича Вельяминова реализация задач российской колониальной политики, заключавшейся в установлении полного и беспрекословного контроля над регионом, осуществлялась посредством занятия и укрепления самых важных стратегических точек зрения пунктов на территории Закубанья и Черномории. В соответствии с политикой А. А. Вельяминова, подрыв экономики горских народов возможно было обеспечить посредством переселения казаков на благоприятные для осуществления земледелия и скотоводства территории, отнятых у горцев. В качестве единственного средства принуждения горских народов к покорности за короткий срок А. А. Вельяминов считал голод, что было возможно благодаря истреблению посевов горцев. Исходя из этого, можно охарактеризовать проводимую генералом политику как курс, направленный не просто не только на отнятие у горских народов возможности независимого принятия хозяйственных решений, но и на уничтожение основополагающих принципов их жизнедеятельности. Такая политика получила название политики «выжженной земли», которая оказывала негативное влияние не только на отношение коренных жителей к российским властям и стране в целом, но и на их взаимоотношения экономического характера с российскими переселенцами, в частности.

Еще один кавказский наместник, генерал М. С. Воронцов, в своем стремлении расширить торговые взаимоотношения с горскими народами, придерживался противоположной позиции по вопросу о способах и методах воздействия на горцев, которая проявлялась в поддержании развития их хозяйственной самостоятельности, но в пределах территории Российской империи. Однако такая точка зрения, несмотря на свою разумность и эффективность, не смогла стать доминирующей

ввиду неспособности Российской империи обеспечить полную изоляцию горских народов от торговых связей с зарубежными странами.

Уже к середине XIX в. российские чиновники начали приходить к выводу о том, что при проведении административной реформы на Кавказе для сохранения самобытности горских народов необходимо принимать во внимание нормы обычного права, а также местные традиции, являвшиеся основой политического и социально-экономического устройства региона.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении рассматриваемого периода, охватывающего конец XVIII – начало XIX в., одна из главных задач, стоящая перед российским правительством, сводилась к нахождению наиболее эффективной модели

управления северокавказским регионом и организации его правового статуса. Политика российского правительства на том или ином этапе освоения Кавказа во многом определялась взглядами того или иного администратора региона, зачастую имевших противоположные представления о способах и формах включения региона в состав империи, в связи с чем в кругах высших чиновников происходили споры по вопросу выбора эффективного инструментария для организации успешного руководства северокавказским регионом. В целом же усиление позиций Российской империи на Северном Кавказе осуществлялось путем сочетания военного направления и мирного, включавшего, в частности, становление и развитие торгово-экономических отношений в крае.

Литература

1. Блиев, М. М. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
2. Блиев, М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. – 877 с.
3. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/text20.htm (Дата обращения: 25.03.2022).
4. Гаджиев В. Г. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов. М.: Наука, 1988. 357 с.
5. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998. 512 с.
6. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Звезда. 2000. 465 с.
7. Гранкин Ю. Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Монография. Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. 216 с.
8. Малахова Г. Н., Чегарнова В. Н. Исторические аналогии политики «soft power» на Северном Кавказе (конец XVIII–XIX вв.) // Дискурс-Пи. 2014. №4. С. 86-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-analogii-politiki-soft-power-na-severnom-kavkaze-konets-xviii-xix-vv>. (Дата обращения: 25.03.2022).
9. Моздокские хутора. Полное собрание законов Российской империи, Том 22, (интернет проект РНБ <http://www.nlr.ru>). 1785 год, царствование Государыни Императрицы Екатерины II. № 16.194. — Мая 9. Именной, данный Правящему должность Генерал-Губернатора Саратовского и Кавказского Потемкину. О устройстве Кавказской Губернии, и области Астраханской. URL: <http://mozdok-hutor.narod.ru/index/0-31> (Дата обращения: 25.03.2022).
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 2. Д. 15.

References

1. Bliev M. M. Kavkazskaja vojna (The Caucasian War). Moscow: Roset, 1994. 592 p. (In Russian).
2. Bliev M. M. Rossiya i gorcy Bol'shogo Kavkaza na puti k civilizacii (Russia and the highlanders of the Greater Caucasus on the way to civilization). Moscow: Mysl', 2004. 877 p. (In Russian).
3. Volkonskij N. A. Vojna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 gg. (The War on the East Caucasus from 1824 to 1834). URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/text20.htm (Accessed: 25.03.2022). (In Russian).
4. Gadzhiev V. G. Russko-dagestanskije otnoshenija v XVIII – nachale XIX vv.: sbornik dokumentov (Russian-Dagestan relations in the XVIII - early XIX centuries: collection of documents). Moscow: Nauka, 1988. 357 p. (In Russian).
5. Gammer M. Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie carizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana (Muslim resistance to tsarism. The Conquest of Chechnya and Dagestan). Moscow: Kron-Press, 1998. 512 p. (In Russian).
6. Gordin Ja. A. Kavkaz: zemlja i krov': Rossiya v Kavkazskoj vojne XIX veka (Caucasus: land and blood: Russia in the Caucasian war of the XIX century). St. Petersburg: Zvezda. 2000. 465 p. (In Russian).
7. Grankin Ju. Ju. Torgovo-jekonomicheskie svyazi Rossii s narodami Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza (konec XVIII – pervaja polovina XIX vv.) (Trade and economic relations of Russia with the peoples of the Western and Central Caucasus (late XVIII – first half of the XIX centuries). Pjatigorsk: PGLU, 2002. 216 p. (In Russian).
8. Malahova G. N., Chegarnova V. N. Istoricheskie analogii politiki «soft power» na Svernom Kavkaze (konec XVIII–XIX vv.) (Historical analogies of «soft power» policy in the North Caucasus (late XVIII–XIX centuries) // Diskurs-Pi. 2014. No. 4. P. 86–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-analogii-politiki-soft-power-na-severnom-kavkaze-konets-xviii-xix-vv>. (Accessed: 25.03.2022). (In Russian).
9. Mozdokskie hutora. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, Tom 22, (internet proekt RNB <http://www.nlr.ru>). 1785 god, carstvovanie Gosudaryni Imperatricy Ekateriny II. № 16.194. – Maja 9. Imennoj, dannyj Pravjashhemu dolzhnost' General-Gubernatora Saratovskogo i Kavkazskago Potemkinu. O ustrojstve Kavkazskoj Gubernii, i oblasti Astrahanskij

(Mozdok farms. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Volume 22, (RNB Internet project <http://www.nlr.ru>). 1785, the reign of Empress Catherine II. No. 16.194. - May 9. Nominal, given to the Ruling post of Governor-General of Saratov and the Caucasus Potemkin. On the structure of the Caucasian Province, and the Astrakhan region). URL: <http://mozdok-hutor.narod.ru/index/0-31> (Accessed: 25.03.2022). (In Russian).

10. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (Russian State Historical Archive). F. 1286. Inv. 2. D. 15. (In Russian).

Сведения об авторе

Григорян Марианна Размиковна – аспирант Института подготовки кадров высшей квалификации (кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии) Пятигорского государственного университета / grigorian-mr@pgu.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Marianna R. Grigoryan – Postgraduate Student, Institute of Postgraduate Training (Chair of Historic, Social, and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology), Pyatigorsk State University / grigorian-mr@pgu.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, the Russian Federation.